

Глава четвертая

ДЕРЖИСЬ ТОГО, ЧТО ЗНАЕШЬ ЛУЧШЕ

Трудно себе представить, как люди могли приспособиться к жизни в столь сложных условиях. В этой душной и влажной сауне — чаще экваториального дождевого леса — задыхаешься буквально на каждом вдохе. Это не просто угнетающий климат: высокий лес всегда темен, сквозь полог вниз пробивается лишь скудный свет, который не позволяет разглядеть животных. Это настоящая противоположность сухим саваннам тропической Африки, изобилующим травоядными животными. И все же здесь много животных. Ты понимаешь это, когда слышишь непрерывный громкий шум загадочных гигантских насекомых и пребываешь в постоянном страхе наступить на смертельно опасную королевскую кобру. Таково было мое первое впечатление о дождевом лесе на острове Борнео.

Я был на Борнео с миссией ЮНЕСКО, моей задачей было осмотреть пещеру посреди дождевого тропического

леса. Каждое утро я просыпался на островке относительно открытой растительности, на поляне, где располагалась штаб-квартира Национального парка Ниах — низменного леса площадью 31 квадратный километр, расположенного в 16 километрах от побережья. Здесь, среди больших разноцветных бабочек и птиц-носорогов, меня отпустила клаустрофобия, которую я ощутил среди гигантских досковидных корней окружавшего меня леса. В самой нашей природе заложена тяга к открытым ландшафтам, далеким горизонтам, лоскутному одеялу деревьев и открытым пространствам. Если у нас не было к ним доступа, мы создавали их сами.

Биолог Вашингтонского университета в Сиэтле Гордон Орианс разработал несколько оригинальных тестов, в ходе которых показал детям с разных континентов изображения различных видов местообитаний. Он обнаружил, что изображения африканской саванны больше всего нравятся детям младшего возраста, когда на предпочтениях еще не отражается личный опыт взросления в определенном месте. Его «саванная гипотеза» предполагает, что в своем биологическом облике мы сохранили предпочтение местообитаний и ландшафтов, в которых сформировались как вид. Именно в саваннах мы находили пищу и укрытие на протяжении большей части нашей эволюционной истории, и последние 10 тысяч лет цивилизации не смогли искоренить эту связь [1].

Возможно, это было одной из причин, почему я почувствовал себя неважно в глубоком лесу. Чтобы добраться до пещеры Ниах, я должен был ежедневно совершать трехкилометровую прогулку по дождевому лесу и пересекать на лодке-плоскодонке мутную оранжевую реку.

Дистанция казалась вдвое больше из-за жары и влаги, к которым я не привык. А вот местных жителей — ибанов — жара и влага не смущали: они обгоняли нас, нагруженные мешками с гнездами саланганов, обитавших в пещере. Эти гнезда потом отправлялись в какой-нибудь престижный ресторан в далекой стране, где становились главным ингредиентом модного деликатеса — китайского супа из птичьих гнезд.

Массовый сбор гнезд приводит к значительному сокращению численности саланганов. В течение многих лет гнезда снимали только после того, как птицы вырастят своих птенцов, два раза в год, однако похоже, что теперь природный баланс нарушен и происходит полный произвол.

Рисунок 8. Пещера Ниах в Сараваке, Борнео (Малайзия). Это самый ранний из известных объектов, связанных с предками в Юго-Восточной Азии, и один из самых ранних за пределами Африки
Фото: Клайв Финлейсон

И это часть человеческой природы: традиционные методы охотников-собирателей были в целом устойчивыми. Стоило нам только найти применение излишкам, как мы быстро исчерпывали свои ресурсы.

Пещеру Ниах не зря называют великой (рис. 8). Как и многие известняковые пещеры, сформировавшиеся в экваториальном климате, Ниах огромна. Было исследовано более трех километров ходов, местами высота пещеры достигает 60 метров, а ее ширина — 90 метров. Свет глубоко внутрь не проникает, передвигаться без подсветки невозможно. Так почему Ниах так важна для нашей истории? Вряд ли дело в ее размере или саланганах. В предыдущей главе мы говорили о том, как молодой и энергичной Дороти Гаррод удалось совершить гигантский прорыв в изучении доисторических времен, особенно на Ближнем Востоке. Потребовался еще один великий человек, чтобы вывести Ниах на передовую исследований доисторических эпох.

Если имя Дороти Гаррод навсегда вписано в историю археологии горы Кармель, то имя Тома Харриссона выгравировано в пещере Ниах. Харриссон родился в Аргентине в 1911 году, получил образование в школе Хэрроу, а затем изучал экологию в Кембридже. У него было множество интересов — от орнитологии и путешествий до журналистики, радиовещания, кинопроизводства и антропологии. Во время Второй мировой войны Харриссон, служивший в британской армии, был десантирован на Борнео, чтобы завербовать местных лесных жителей против японцев. После войны Харриссон остался на Борнео и стал куратором музея Саравака.

В 1954–1967 годах во время работы в музее он вместе со своей женой Барбарой проводил раскопки при западном входе пещеры Ниах [2]. Среди самых удивительных находок был человеческий череп (так называемый глубокий череп), возраст которого, определенный при помощи радиоуглеродного анализа, составляет 40 тысяч лет [3]. В то время археологическое сообщество скептически относилось к выводам о том, что найдены останки древнейших предков в Юго-Восточной Азии. Спустя десятилетия, в 2007 году, группа ученых под руководством Кембриджского профессора археологии Грэма Баркера опубликовала данные, которые подтвердили выводы Харриссона [4]. Люди из пещеры Ниах остаются самыми древними из известных предков в Юго-Восточной Азии. Успех в Ниах — это дань проницательности, настойчивости и терпеливости Харриссона, особенно с учетом неприятных условий раскопок в так называемой Адской впадине.

Последние работы в Ниах позволили отнести «глубокий череп» к периоду 41–34 тысячи лет назад [5]. Вероятно, люди жили в пещере даже раньше, по крайней мере 46 тысяч лет назад, во времена, когда неандертальцы были единственными людьми в Европе. Все виды людей, которых мы встретили до сих пор, жили в мозаичных местообитаниях, довольно открытых, обычно с некоторым количеством деревьев, что в значительной мере соответствует саванной гипотезе Орианса. Означает ли это, что люди в Ниах использовали ресурсы дождевого леса и было ли это новым явлением в нашей эволюции?

Картина, которую дает нам Ниах, примечательна тем, что люди использовали целый ряд мест обитания вокруг

пещеры, и некоторые из этих мест сегодня уже не найти [6]. Возле Ниах был и дождевой лес, но большую часть периода, проведенного людьми в тех краях, в целом более прохладного и засушливого, чем сегодня, преобладали сухой лес и саванна. Трудно представить себе подобный ландшафт там, где теперь господствует тропический лес, однако даже так близко к экватору ощущалось влияние ледниковых периодов [7]. Ландшафт изменился вместе с климатом, и, похоже, пока люди жили в Ниах между 46 и 34 тысячами лет назад, лес возвращался как минимум дважды [8].

Люди Ниах могли чувствовать себя как дома в открытом лесу и саванне, но они могли эксплуатировать и дождевой лес. Вероятно, лучше всего они ощущали себя в разнородных местообитаниях, его включавших. Эту стратегию мы уже наблюдали, когда говорили о прото-предках Ближнего Востока около 70 тысяч лет назад (см. главу 3). Именно в таких мозаичных зонах они научились использовать дождевой лес, не отказываясь полностью от жизни в саванне. Эти люди обладали собственными знаниями и в то же время осваивали новые навыки.

Люди Ниах приводили свои техники охоты и собирательства в соответствие с местами обитания, которые использовали. В теплые и влажные периоды, когда лес вторгался в саванну, эти люди все больше от него зависели. И здесь имел место тот же самый инновационный периферийный процесс, который, как мы видели, был стимулом на протяжении большей части эволюции человека, но, как это ни парадоксально, на этот раз все вышло наоборот: люди стали специалистами по открытым лесам и саваннам, и дремучий лес был для них

негостеприимным местом на окраине комфортной для обитания зоны. Именно в лесу они испытывали больше сложностей из-за окружающей среды.

Похоже, их основная продовольственная стратегия была сфокусирована на наиболее распространенных млекопитающих. Тогда это были дикие свиньи, бродившие по саваннам и лесам. Люди Ниах продолжали давнюю традицию человеческого рода, которая заключалась в том, чтобы ловить млекопитающих среднего размера [9], однако им удалось продвинуться в этом на шаг вперед. Те места изобиловали обезьянами и другими приматами, и на них регулярно велась охота: люди Ниах ели приматов, в том числе больших орангутанов [10]. Так они справлялись с новой ситуацией — выходом из саванны на опушку леса. Рассматривать это как некую революцию было бы неправильно. Люди просто делали то, что было характерно для их видов, — они были новаторами, импровизировавшими в новом мире.

Методы ловли животных, по-видимому, были неселективными. Нет никаких доказательств того, что для отлова выбирали особей определенного возраста. Учитывая то, что в лесной среде животных трудно разглядеть и они редко группируются в стаи или большие группы, вполне вероятно, что к этому моменту уже были разработаны методы заманивания в ловушки. Если это действительно так, то становится понятно, почему животных, на которых охотились в Ниах, не разделить на конкретные виды или возрастные категории.

Люди Ниах были всеядны. Они использовали большую часть того, что было им доступно в мозаике леса и окру-

жавшей их саванны. Они ловили черепах и даже варанов. В ход шло и большое количество пресноводной рыбы и моллюсков из местных рек и болот, однако нет никаких признаков того, что они употребляли морепродукты. В течение большей части этого периода уровень моря был ниже, чем сегодня, поэтому Борнео, Суматра и Ява были соединены с материковой частью Юго-Восточной Азии, создавая континентальный массив Сандаланд, который был примерно размером с Европу. Пещера Ниах могла находиться намного дальше от побережья, чем сегодня, и возможно, жители Ниах никак не пользовались его благами. Конечно, существует и вероятность того, что они совершали сезонные походы на побережье и использовали морские ресурсы прямо там. В конечном итоге, зачем им было переносить рыбу и моллюсков на большие расстояния обратно в пещеру? Вполне возможно, что, как и многие другие загадки доисторических времен, эта останется неразгаданной.

Лес также был богат растительными продуктами, но многие потенциальные источники еды были ядовитыми и нуждались в обработке перед употреблением в пищу. Люди Ниах умели справляться и с этим. Они обладали знаниями и технологиями, при помощи которых могли сделать съедобными высокопитательные лесные растения. Например, чтобы провести детоксикацию орехов, они закапывали их в ямы с пеплом [11]. Все эти подробности о Ниах лучше обрисовывают портрет людей, которые впервые прибыли с севера, вероятно, следуя за распространяющимися саваннами и их животным миром, позднее 50 тысяч лет назад, в те времена, когда можно было пройти от современной материковой Малайзии

до Борнео. Оказавшись там, они смогли остаться в этом районе и научились справляться с переменами в своем местообитании, вызванными изменениями климата.

В Ниах мы видим новые способы использования ресурсов: ловлю приматов, живущих на деревьях, ловушки и западни, ловлю рыбы и детоксикацию растений. Все это — примеры решений, придуманных в условиях стресса во времена, когда саванны вымещались дождевым лесом. Самым удивительным из этих новшеств была практика сжигания дождевого леса. В Ниах было обнаружено большое количество пыльцы растений, которые, как известно, первыми заселяют районы, пострадавшие от лесных пожаров. Их появление совпало с периодами, когда тропический лес разрастался. Морские керны (пробы), извлеченные у побережья Борнео, также запечатлели аномально высокую концентрацию микроскопических частиц угля [12] в период, начавшийся около 50 тысяч лет назад — времена первого из известных поселений в Ниах. Эти свидетельства слишком значительны и внезапны, чтобы быть результатом только природных пожаров. Похоже, еще в далеком прошлом люди начали поджигать лес, чтобы устроить открытую саванну, пригодную для животных, на которых они охотились.

У нас нет сомнений в том, что уже как минимум 50 тысяч лет назад люди, с которыми мы можем себя отождествлять — наши предки, — жили на окраине тропического леса Борнео. Их поведение было гибким и изобретательным, что отражает и нашу сущность, однако они не рисовали в пещерах и не делали ожерелий. Отсутствие следов искусства и украшений на европейских стоянках того же периода, связанных с неандертальцами, заклея-

мило их как отсталых и архаичных людей. Такова субъективность, которую мы привнесли в изучение нашей эволюционной истории.

В предыдущей главе мы рассмотрели экспансию популяций протопредков, происходившую ранее 80 тысяч лет назад в Африке и прилегающих районах, таких как Ближний Восток. Но как люди могли попасть из Африки, где они находились 80 тысяч лет назад, в Борнео 50 тысяч лет назад? Когда мы смотрим на ныне живущие популяции людей со всего мира, мы обнаруживаем, что все неафриканское население возникло после 80 тысяч лет назад из основной популяции, которая жила в Северо-Восточной Африке, вероятнее всего, в Эфиопии [13]. Именно отсюда нам стоит начать.

Интересно, что этот период экспансии нашего предка позднее 80 тысяч лет назад парадоксальным образом совпадает со временем, когда Ближний Восток оказывается заброшенным и там живут только неандертальцы. Мы видели, что климат тогда стал прохладнее, но оставался относительно мягким, за исключением двух периодов сильного холода и засухи (70 и 47–42 тысячи лет назад). В то же время очень влажные периоды, затронувшие Восточную Сахару, пустыню Негев и Аравийский полуостров ранее 80 тысяч лет назад, вероятно, также, сошли на нет [14]. А это означает, что в период географической экспансии с северо-востока Африки в Юго-Восточную Азию климат не был исключительным, хотя и становился более сухим, чем раньше. Не было ни тепло, ни влажно, а периодов сильного холода и засухи было мало. Давайте запомним эти наблюдения и попытаемся понять события, произошедшие дальше.